

*Посвящается Фишбоул, чьи бесконечные проказы
еще долго будут подпитывать мое воображение.*

Глава 1

— Э-э, латте, пожалуйста, — произношу я, даже не взглянув на официанта. Понятия не имею, зачем сделала такой заказ. Я кофе вообще-то *не люблю*. Отношусь к тем девушкам, которые предпочитают чай со льдом или травяной напиток.

Но, сидя здесь, в этой шикарной кофейне с таким пафосным названием — «Лангла», — я ощущаю себя такой... ну, не знаю — современной? Привилегированной? Крутой?

— Сию минуту.

Бариста уходит, а я с головой погружаюсь в мобильник, который держу в руках. Это какая-то модная новая модель: с выдвижной клавиатурой, 3G, неограниченным размером сообщений, хранилищем для целой тонны музыки... Все необходимое для хорошего телефона. И он выглядит как хороший телефон. Женщина в магазине *утверждала*, что это — хороший телефон.

К своему стыду, я понятия не имею, как им пользоваться.

Руководство лежит на столе рядом со мной, но у него слишком плотный корешок, книжка не хочет оставаться открытой на странице с пояснением, как настроить Интернет.

То есть я вообще во всем этом не разбираюсь. От меня нет никакого толка в технических вопросах — кроме тех, что касаются загрузки и конвертации музыкальных файлов, — и раньше у меня мобильного не было. Я прежде не нуждалась в нем, поскольку, живя в Пайнфорде, редко куда-нибудь выбиралась.

Я намеренно не называю Пайнфорд домом. С чего бы? Теплых чувств он у меня не вызывает.

Мы провели здесь, во Флориде, десять дней, и это только начало. И я уже в восторге. Это не просто шанс перевернуть страницу, это возможность начать абсолютно новую жизнь.

Чье-то покашливание отвлекает меня как раз в тот момент, когда я решаю, что разобралась, наконец, с этим Интернетом.

Я поняла, почему парень не ставит исходящую паром белую кружку на мой стол: сумочка, коробка из-под мобильного, провода и миниатюрное руководство пользователя заняли все свободное пространство.

— Ой, простите! — машинально извиняюсь я, сбрасываю сумку со стола и как попало запикиваю провода в коробку.

Парень таки ставит кружку, и я впервые внимательно смотрю на него. В его внешности нет ничего особенного. Он не вызывает восхищенных вздохов своей сексуальностью. Но, должна признать, он довольно симпатичный.

Наверняка это из-за черной униформы и темно-зеленого фартука он выглядит немного бледнее, чем есть на самом деле. У него длинный тонкий нос и очень яркие зеленые глаза с густыми темными ресницами. Его тем-

ные же и сильно вьющиеся волосы коротко подстрижены. Если бы официант вдруг отпустил их подлиннее, держу пари, у него была бы масса упругих локонов, которой позавидовали бы многие девушки. Он высокий, но в меру. Может быть, на пару дюймов выше меня? Впрочем, из-за длинных конечностей он выглядит немного нескладным.

— Спасибо, — произношу я.

— Желаете что-нибудь еще?

— Нет, спасибо, этого достаточно.

Перевожу взгляд обратно на телефон, затем снова на руководство пользователя — я придерживаю его локтем, чтобы не закрывалось. Если честно, оно для меня китайская грамота. И я никогда не разберусь в этой проклятой штуке сама.

— Может, тебе, кхм, помочь?

Я моргаю, подняв взгляд на него. Даже не заметила, что официант все еще стоит рядом.

— Разве тебе не нужно обслуживать посетителей? — Наверное, это прозвучало высокомерно, но я не нарочно; просто у меня испортилось настроение из-за телефона. Я уже десять минут бьюсь над сущей ерундой.

— У нас не так много заказов — думаю, я могу уделить тебе несколько минут.

Парень показывает жестом, и я вижу, что так и есть: кроме меня здесь три сплетницы, забившаяся в уголок пара и печатающий на ноутбуке мужчина.

— Все на пляже, — продолжает объяснять официант. — Наслаждаются последними летними днями перед началом занятий в школе. Обычно-то здесь не толкнуться.

Я киваю.

— Так тебе нужна помощь или нет? — Парень одаривает меня легкой, дружелюбной улыбкой. Немного кривоватой на левую сторону, но от этого скорее необычной и милой.

Уж не знаю, из-за этой ли улыбки или потому, что мне действительно требуется помощь, но я сдаюсь.

— Пожалуйста, — отвечаю я, застенчиво хихикнув.

— Что ты пытаешься сделать? — Он пододвигает стул напротив меня и плюхается на него.

— Точно не скажу. Здесь говорится о необходимости настроить Интернет, и на коробке есть какой-то код, но я не понимаю, что нужно делать.

Он протягивает руку, и я передаю ему сотовый телефон. Склоняюсь над руководством пользователя, гадая, потребуется ли оно ему, или это я такая идиотка.

Как оказалось, руководство ему не требуется.

— Какой там код?

Я зачитываю код с коробки, и после нескольких нажатий на кнопки он возвращает телефон обратно.

— Ну вот. Все готово.

— Спасибо! — Я улыбаюсь. — Клянусь, у техники на меня зуб. На прошлой неделе я чуть не сломала микроволновку.

Конечно, это небольшое преувеличение. Я всего лишь выбрала не ту программу, и моя паста взорвалась, а затем микроволновка отключилась.

Парень смеется. И это у него тоже мило получается — нечто среднее между громким, искренним смехом и хихиканьем. Вызывает ответную улыбку.

Теперь, с более близкого расстояния, мне видны рассыпавшиеся по его лицу веснушки, сгустившиеся на носу и более редкие на щеках.

— Значит, ты здесь новенькая? Иначе я бы уже встречал тебя раньше.

— Мы недавно переехали. Из штата Мэн.

— Здорово. У меня там живут двоюродные братья. Я гостил у них несколько раз на День благодарения.

— Да, там нормально.

— Тебе больше нравится Флорида?

Я киваю, может быть, даже чересчур восторженно, потому что вызываю у него усмешку.

— Как минимум, здесь лучше погода.

— Ты еще не видела наши ураганы.

— Жду не дождусь, — говорю я с нотками сарказма в голосе, и он снова улыбается.

Я так волновалась, что здесь будет трудно завести друзей, что все будет так же, как и в Пайнфорде, что люди просто не захотят со мной знакомиться. Особенно раз я новенькая. На мой взгляд, здесь есть два варианта развития событий: либо мной заинтересуются в качестве блестящей новенькой игрушки, либо сразу отправят в игнор.

Дело не в том, что я не умею общаться или недружелюбна. Просто мне никогда не попадались люди, которые стремились бы со мной поговорить. От такого с годами становишься слегка застенчивой, мягко говоря.

Но завести друзей здесь оказалось проще, чем я ожидала.

— Где ты учишься? — спрашиваю я, набравшись смелости. Он выглядит примерно на мой возраст, но, возможно, уже выпускник.

— В Мидсоммере. Полагаю, тебя тоже туда зачислили?

Я киваю — снова.

— В одиннадцатый класс¹. Начну учиться через пару дней.

Он снова смеется.

— Аналогично. — Он протягивает руку. — Меня зовут Дуайт.

Дуайт?

Что за странное имячко? Никогда в жизни не слышала, чтобы кого-то звали Дуайт. Но этому парню оно даже подходит.

— Мэдисон, — представляюсь я, пожимая ему руку. — Приятно познакомиться.

— Взаимно. Так почему ты не на пляже? Не ловишь последние лучи солнца, не глазеешь на парней?

— Не улыбалось идти одной. Кроме того, мне нужен был новый телефон.

Я специально сказала «новый». Подумала, ему покажется странным, если я скажу, что у меня никогда еще не было мобильного.

— А-а.

— Что насчет тебя? — парирую я.

---

¹ В американских школах двенадцать классов, дети учатся до 18 лет. — *Примеч. ред.*

— Волны сегодня никуда не годятся, — сообщает он. — К тому же пришлось бы искать того, кто подменит меня на работе.

— Волны?

— Для серфинга.

— Ого. Круто. — Я исподтишка разглядываю его. Он не похож на серфера. Я всегда представляла себе серферов широкоплечими мускулистыми парнями с растрепанными светлыми волосами. И мне казалось, серферы должны быть загорелыми, ведь они много времени проводят на солнце. Дуайт же выглядит слишком бледным и нескладным.

Я отпиваю латте, чтобы сгладить неловкое молчание, и не могу удержаться от гримасы.

М-да. Я определенно больше никогда не закажу латте.

— Слишком горячо? — уточняет парень.

— Э-э, да... Спасибо за помощь, — быстро добавляю я.

— Дай знать, если тебе что-нибудь понадобится, хорошо? Нужно возвращаться к работе, пока босс не отчитал меня за разговоры с посетителями. — Он снова улыбается мне. — Еще увидимся?

Это звучит как вопрос, а не утверждение, поэтому я отвечаю:

— Да, конечно.

— Приятно было познакомиться, Мэдисон.

— Я тоже рада с тобой познакомиться, Дуайт, — произношу я его удаляющейся спине.

Похоже, у тебя только что появился друг.

И меня начинают переполнять радужные пузырьки. Может быть, влиться в общество здесь будет не так уж и сложно.

Глава 2

Смерть двоюродной бабушки Джины — это, пожалуй, лучшее событие в моей жизни.

Только не поймите меня неправильно: я любила ее, и теперь мне очень ее не хватает. Но у нее имелись свои любимчики в семье. Ясное дело, что, раз брат моего отца и его семья живут в Неваде, пожилой женщине было тяжело ездить к ним в такую даль. Но именно к нам бабушка Джина приезжала на главные праздники — День Благодарения и Рождество. А моим кузенам просто посылала по почте чек.

Признаюсь, в детстве я очень ее боялась. Ей было восемьдесят девять, когда она скончалась. Высокая сухопарая дама с редкими седыми волосами и вставными зубами, которые постоянно выпадали и громко клацали, когда она говорила. Но, увидев ее фотографии, я поняла, почему в юности Джину часто снимали в качестве модели. И все же, несмотря на ставшую к старости устрашающую внешность, бабушка была по-настоящему хорошим человеком.

Бабушка Джина жила во Флориде, в большом доме на берегу моря. И после ее смерти все досталось нам. И я действительно имею в виду *все*. Огромное наследство — дом, всю винтажную одежду и драгоценности.

Сначала мы не знали, что с этим делать. Продать недвижимость и, возможно, купить дом получше в пределах штата Мэн? Оставить в качестве загородного дома? До сих пор не помню, кто предложил в итоге сюда переехать. Но кто бы это ни был, я у него в неплатном долгу.

Делом занялся папа. Он нашел себе место врача в частной клинике, расположенной неподалеку от пляжа, где стоял дом двоюродной бабушки Джинны. Мама подыскала в пригороде, недалеко от средней школы, хороший дом с тремя спальнями, большим садом и даже небольшим бассейном. Будучи учительницей начальных классов, мама без труда получила новую работу во Флориде.

Дженна, моя старшая сестра, к тому времени уже уехала из Мэна; она студентка Нью-Йоркского университета, и ей было все равно, переедем мы из Пайнфорда, штат Мэн, или нет. Она там давно не жила и не планировала туда возвращаться.

— Скуотища. Здесь ничего не происходит, — ответила она маме и папе, когда они спросили, почему она не выбрала колледж поближе к дому. — Кроме того, в Нью-Йорке программа обучения лучше. К тому же я хочу повидать мир. Этого не случится, если я останусь в Пайнфорде.

Единственное, что могло бы их удержать от переезда, — это я. А я не могла этого переезда *дождаться*.

В Пайнфорде мне просто нечего было делать. К концу десятого класса я даже не пыталась работать на уроках и не могла похвастаться миллионом друзей и насыщенной общественной жизнью. Поэтому, когда

мама осторожно спросила меня: «Мэдисон, дорогая, как ты считаешь, с тобой точно-точно все будет в порядке, если мы переедем во Флориду?», — мой ответ был мгновенным:

— Можно я уже начну собирать вещи?

Переезд во Флориду означал, что я смогу начать совершенно новую жизнь.

В Пайнфордской школе моя сестра Дженна была весьма популярна. Блондинка из группы поддержки, но одаренная умом наравне с красотой, она состояла в организационном комитете Бала выпускников и занимала должность президента класса. Такая типично американская девушка-мечта.

В этой же школе училась и я.

Но я просто... не Дженна. Хотя и пыталась ею стать. Мне вполне нравилось держаться обособленно, однако отнюдь не по своей воле я избегала вечеринок, не являлась предметом школьных сплетен или объектом внимания парней... Я не изображала из себя одинокую неудачницу, такую роль в школе определили для меня все остальные.

И переезд в Мидсоммер, округ Коллиер, штат Флорида, — это отличный шанс на совершенно новую жизнь. Никто не проверит, дотягиваю ли я до планки, установленной моей сестрой. Никто не узнает, какой я была последние пару лет.

Я могу стать собой.

Такой, знаете ли, лучшей версией себя.

Я беру с кофейного блюдца чайную ложечку и поворачиваю пальцами так, чтобы видеть на выпуклой по-

верхности свое искаженное отражение. Я все еще привыкаю видеть незнакомку в зеркале.

Когда я осознала, что благодаря переезду могу построить совершенно новую жизнь для себя, то также поняла: лучшего времени для преобразования и не придумать. Ведь именно так все и поступают, верно? Переезжают на новое место и возрождаются кардинально новыми, лучшими, не так ли? Я хотела того же.

Ладно, от меня не требовалось ничего радикального. Толстуха Мэдди исчезла больше года назад — просто никто не интересовался мной настолько, чтобы это заметить. Брекеты я сняла на прошлое Рождество. А с февраля избавилась от безобразных очков и стала носить контактные линзы. Но сложившееся у людей мнение очень трудно изменить. Они уже сделали выводы, навесили на тебя ярлык, и им хочется, чтобы ты носила его вечно. Тебе выделили место в обществе, и там, по их мнению, ты и должна оставаться.

Так что даже когда я похудела, даже когда мне сняли брекететы, даже когда я начала носить контактные линзы, поскольку с ними удобнее, чем в очках, всем было плевать. Люди могут быть недалекими и поверхностными, но иногда они слишком эгоистичны, чтобы вообще замечать тебя.

С той поры и мне стало плевать. Когда ты отгораживаешься стеной, ее трудно пробить.

Теперь, однако, мне совсем не наплевать на мнение окружающих.

Новая Мэдисон — крутая, непосредственная, дерзкая.

Глядя на растянутое отражение в ложке, я могу поверить, что превращаюсь в новую Мэдисон.

Дотрагиваюсь рукой до волос — не из самолюбования. Я все еще привыкаю к тому, что у меня их вроде как больше нет. На самом деле это довольно радикальная перемена: всю жизнь я носила длинные волосы. Кому-нибудь другому — например Дженне — люди могли бы позавидовать. Но мои волосы были мышинного цвета, без многослойной стрижки или челки, которые бы их оживили, так что вы поймете, почему я их обрезала.

Ну, не *все*. Но почти все.

Мама взбесилась, когда увидела меня — вернувшуюся из нашей скромной городской парикмахерской. Она вытаращила глаза и уставилась на меня. «Вроде бы ты сказала, что просто *подровняешь кончики!*!»

Но сейчас я улыбаюсь отражению в маленькой серебряной ложечке, поскольку люблю свою новую прическу. Я выбрала короткую стрижку боб с более длинными прядями спереди, обрамляющими лицо. Некоторые пряди сделали темнее, а некоторые — осветлили, чтобы оживить образ. О, и широкая косая челка, которая почти скрывает левый глаз, по словам Бобби, моего парикмахера, придает мне «остроты рок-гламура». На этот раз я поверила ему на слово.

Но главная причина, по которой я постриглась, — я хотела лишиться себя укрытия. Не выглядеть лучше, хотя это сыграло *немалую* роль. Но там, в Пайнфорде, я могла опустить голову и спрятаться за волосами, надеть наушники и постараться исчезнуть. Я хотела измениться, стать новой Мэдисон. Так что, отрезав во-